

Роль русского масонства XVIII века в концепции просветительской мысли, воспитания человека и переустройства общества

Исторический путь России, проделанный ею в XVIII – XIX веках, практически был определен идеологической деятельностью масонских организаций. В еще большей степени это относится к литературным направлениям России.

Для понимания развития такого феномена, как русское масонство XVIII века, прежде всего необходимо учесть то, что развитие масонских идей в России происходило на фоне и с учетом очень серьезных философско-этических исканий Запада, в особенности французского просветительства (Вольтера, Дидро, Руссо, Деламбера, Гольвеция) и немецкой классической философии (Фихте, Кант, Гегель, Фейербах).

Важно отметить, что занесенные на русскую почву этические и философские проблемы Запада получили существенную качественную трансформацию в русских умах. Эволюция этих представлений нашла свое прямое отражение в русском масонстве и привела, в конечном счете, к появлению целых пластов русской общественной идеологии.

Прежде чем начать рассказ о конкретных явлениях масонства в России, позволю привести несколько наблюдений и пояснений о том, с каких позиций следует относиться к пониманию исторического процесса в целом.

Эзотерическое понимание истории и культуры

Мысленный эксперимент: изобретатель велосипеда или химик, открывший новый элемент, умер в детстве, не совершив своего открытия. Совершенно очевидно, что эти конструкции и открытия рано или поздно будут реализованы другими людьми. Это произойдет раньше или позже, но русло исторического течения от этого не переменится. Но если бы умерли в детстве Данте, Пушкин или Достоевский, не только бы не были написаны никогда их произведения, но и история Италии и России, в конечном счете, история, по крайней мере, Европы потекла бы в другом русле.

Еще один наглядный пример: взгляд на химию и алхимию в вопросе причинности.

Химическая реакция подобна уравнению; левая часть – участники реакции – может явиться причиной одного и только одного следствия – результата, который записывается в правой части. Будущее предсказуемо вытекает из прошлого.

Алхимическая реакция в принципе представляет собой таинство: последующее не вытекает автоматически из предыдущего, а может произойти лишь при стечении определенных таинственных обстоятельств.

Можно сказать, что в сферах материальных (техники, науки) люди играют роль частиц крупного размера, включенных в броуново движение гигантских сверхличностных процессов. Здесь законы причинности и истории предстают в своих простых, механических формах.

Там же, где история предстает как огромное множество альтернатив, выбор между которыми осуществляется интеллектуальной и волевой силой человека, к пониманию истории следует подходить **метафизически**.

История предстает перед нами не как клубок, разматывающийся в бесконечную нить, а как лавина саморазвивающегося живого вещества. В каждую минуту увеличивается количество “перекрестков”, альтернатив, моментов выбора пути, когда нельзя предсказать, куда пойдет дальнейшее развитие. Здесь вступает в действие интеллект и личность человека, осуществляющего выбор. Это “минуты роковые” по Тютчеву или “моменты бифуркации” по Пригожину (Илья Пригожин – химик и физик, бельгиец русского происхождения, лауреат Нобелевской премии за исследования о роли случайности и непредсказуемости в структуре мира).

Так, с **метафизических позиций**, необходимо подходить к наукам о человеке, искусствознанию, культуроведению. Человеческая **культура, этот коллективный интеллект человечества**, играет не пассивную, второстепенную роль в истории, а первостепенную. Отсюда и роль культурологии.

История это взгляд из настоящего в прошедшее, существование некой модели исторического развития, “правильное решение задачи”. Народы предстают как ученики, решающие одну и ту же задачу; одни решают ее близко к идеальному алгоритму, другие – с ошибками, одни находятся в начальных классах, другие продвинулись далеко.

Новая европейская история (XVIII-XIX века) определила вектор исторического развития **от темы непросвещенности к свету истины и просвещения**. От французских просветителей и немецких философов в Россию дошло представление о смысле истории как движении от бессознательного к сознательному. Сознательное мыслилось как результат акта самопознания. Глобальным явлением XVIII века стало Просветительство.

В России просветительская деятельность в XVIII веке целиком связана с деятельностью масонских лож.

Для русского общества век Просвещения характеризуется двумя великими реформами – петровской реформой “порядков” и екатерининской реформой “умов”. Появление масонства в России совпало с пробуждением общества, с первыми исканиями освобождающейся мысли. От лучших людей екатерининского времени мы знаем, как сложно им приходилось в искании смысла и правды жизни, в этот век легкомыслия, беспутства и холодного равнодушия. Для многих из них вольтерьянство было подлинною болезнью, нравственной и душевною. И вот во 2-ой половине века начинается духовное пробуждение, во главе которого стоят масоны. Это масонское пробуждение Ключевский назвал **“параксизмом совестливой мысли”**. Это был важнейший этап в истории нового русского общества – этап “психологической аскезы и собирания души”. Наши розенкрейцеры занимались не алхимическим кудесничеством, подобно Калиостро, и не выманиваем денег у богачей: они посвящали себя “познанию

тайн природы”, не извлекая из этого никаких выгод. Наоборот, священной обязанностью они считали работу по распространению просвещения в России.

Нам, людям русской культуры, ее наследникам и продолжателям, полезно разбираться в масонстве с некоторым запасом *положительных эмоций*. Резким, голословным суждениям нужно противопоставить вопрос: как же могли принадлежать к такому “дурному обществу” люди, деятельность которых создала то великое, что мы и называем русской культурой?

Приучая детей преклоняться перед именами *Пушкина и Карамзина, Чаадаева и Новикова, Баженова и Казакова*, чтить достоинства *Суворова, Кутузова, Сперанского*, нелишне знать, что их имена значатся в списках русских вольных каменщиков.

Масонство, занесённое в Россию, во времена, по преданию *Петра Великого, Лефорта и Гордона*, почти одновременно с его возникновением на Западе, у нас чрезвычайно быстро привилось и распространилось. На Западе масонство было лишь одной из школ нравственной философии, у нас оно было *единственной*. Некую конкуренцию ему составило лишь вольтерьянство. Но русская почва для масонских идей была благодатнее. В Западной Европе масонство играло роль элементарной школы, через которую проходили, и которая оставляла “теплые воспоминания”. У нас это была популярная школа нравственного воспитания.

Русское масонство XVIII и начала XIX века сыграло громадную роль в *духовной мобилизации творческих сил России*. С одной стороны, оно привлекало к себе людей, искавших противовеса атеистическим течениям XVIII века. Обличительный философский смех освобождал нашего вольтерьянца от законов божеских и человеческих, делая его недоступным ни для каких страхов, кроме полицейского и физического. Давая простор вольным исканиям творческого духа, масонство освобождало от поверхностного и пошлого русского вольтерьянства. В этом смысле масонство было выражением религиозных запросов людей этого времени. С другой стороны, оно само было явлением внецерковной религиозности, свободной от всякого церковного авторитета. Таким образом масонство с одной стороны уводило от вольтерьянства, с другой стороны, – от Церкви; именно поэтому масонство на Руси послужило основному процессу секуляризации, происходившему в XVIII веке в России. Захватывая значительные слои русского общества, оно, несомненно, было *школой гуманизма*, но в то же время пробуждало и умственные интересы.

В русском гуманизме, связанном с масонством, существенную роль играли мотивы чисто моральные. Люди, имеющие духовные запросы, болезненно переживали пустоту, создавшуюся с отходом от церковного сознания. Успехи масонства в русском обществе показали, что таких людей было очень много: масонство открывало им путь к сосредоточенной духовной жизни, к серьезному и подлинному идеализму и даже к религиозной жизни вне Церкви. Вот несколько цитат из масонских произведений того времени: “Будь человеком! Ты будешь Богом, и притом наполовину создавшим самого себя...”;

“Властвовать надо не над вещами, а над мыслями, – охраняй как можно лучше свои мысли, им внемлет Небо...”

Вот как назвал собственный обширный трактат о масонстве *Иван Перфильевич Елагин*, работавший над ним в 1786-88 годах: *“Учение древнего любомудрия и богомудрия, или наука свободных каменщиков из разных творцов светских, духовных и мистических собранная и в пяти частях изложенная И.Е., великим Российской Провинциальной ложи мастером”*.

Рядом с призывом к “истинному просвещению” в масонстве идёт и “пробуждение сердца”. Тут вливается в масонство аскетическая традиция оккультизма, требующая “отсечения страстей”, без чего невозможно освободить в себе “внутреннего человека”. По справедливому замечанию такого исследователя масонства, как протоиерей Флоровский, здесь “... характерно острое чувство не столько греха, сколько нечистоты” как препятствия к взлетам духа ввысь.

Русские масоны были, конечно, “западниками”, они ждали наставлений и откровений от западных “братьев”, вот отчего очень много трудов положили русские масоны на то, чтобы приобщить русских людей к огромной религиозно-философской литературе Запада.

Для значительной части масонов была очень привлекательна *эзотерическая сторона христианства*, которую им заслоняла “внешняя” Церковь. Привлекала и уверенность масонских учений в том, что истина сохранялась именно в ее преданиях, а не в церковной доктрине. Из беседований Елагина с английским масоном, братом древнейшей английской ложи “Lodge of Antiquity”, – масонство “есть древнейшая таинственная наука, святою премудростью называемая”, она существует от начала веков, закрытая иносказаниями и символами, что она никогда не придет в забвение и не подвергнется изменению; что это та самая премудрость, которая хранилась у патриархов, потом хранилась в храмах “халдейских”, египетских, в училищах Соломоновых, Ессейском, Синайском, Иоанновом, потом “новою благодатью в откровении Спасителя преподавалась”, наконец, что эта самая премудрость пребывала в “ложах и училищах Фалеевом (т.е. Фалесовом), Пифагоровом, Платоновом и у любомудрцев индейских, китайских, арабских, друидских” и т.д.

На этом пути масонство призывало к единству *веры и знания* – разум без веры не в состоянии понять таинственную сторону бытия, а вера без разума впадает в суеверие. В обоих случаях нужна *внутренняя свобода* ищущего духа, который жадно впитывает в себя догадки, “откровения”, чтобы проникнуть в сферу “сокровенного ведения”. Но одних это, по существу, уводило от религиозной жизни, то у других это было крещением в новейший “христианский *синкретизм*”, т.е. объединение разнородных элементов для широкого обобщения. Русским людям XVIII века и именно тем, у которых были религиозные запросы, было очень по душе такое “внутреннее понимание христианства”.

Глубокого разлада с церковью у русских эзотериков не существовало, о чем свидетельствует участие священнослужителей в масонских ложах. Ярким примером служат жизни *Н. И. Новикова, И. В. Лопухина, С. И. Гамалеи*. Московские

розенкрейцеры представляли собой примеры строгости и ответственности, нравственной самодеятельности, благородства, воздержания и бесстрастности, самопознания и самообладания; они проповедовали “добродетель и тихую жизнь ... посреди сего мира, не прикаясь сердцем к суетам его...”. Достаточно прочесть записки Лопухина сенатора, близкого друга Н. И. Новикова, чтобы видеть, как в людях порядочных масонство становилось источником тех гуманных отношений к людям, *человеколюбия и веротерпимости*, которые так мало вразумительны были для старого русского общества, и которые так полезно было уразуметь. Относительно веры Новикова митрополит Платон писал Екатерине; “...молю всещедрого Бога, чтобы не только в словесной пастве, но и во всем мире были христиане таковые, каков Новиков...”. С другой стороны, И. В. Лопухин, будучи очень склонным к моральному резонерству и сентиментальности, ощущал Церковь как отживающее “учреждение” (недаром он написал книгу на тему “О внутренней церкви”). Нужно высвободить в самом себе “внутреннего человека” из-под засилия плотяности, “совлечься ветхого Адама” – “ищи в самом себе истину ...” (*Иван Владимирович Лопухин*).

Так мы подошли к тем изумительным людям, которые составили так называемый кружок Новикова. **Московский кружок Новикова** – явление, не повторившееся в истории русского просвещения. По отзывам современников, близких к Новиковскому кружку, он *не распространил, а создал* у нас любовь к наукам и охоту к чтению. В московском дворянском обществе конца XVIII века, где встречались с одной стороны, носители всех перебывавших в России мирозозерцаний от “Голубиной книги” до “Системы природы” Гольбаха, а с другой, гораздо более многочисленной, Митрофанушки и их мамыши, среди суетливого безделья и дарового довольства нашлись десятка два большею частью богатых и образованных людей, которые решились жертвовать своим досугом и своими средствами, чтобы заботиться о народном просвещении.

Мы уже назвали имена Н. И. Новикова, И. В. Лопухина, С. И. Гамалеи. Рядом с ними на ниве просвещения трудились лучшие, образованнейшие люди московского общества: князя Юрий и Николай Трубецкие и Черкасский, М. М. Херасков, П. А. Татищев, Г. М. Походяшин. Ивана Шварца, профессора московского Университета с 1779 года, стоит выделить особо. Это был восторженный и самоотверженный педагог, неутомимый энтузиаст просвещения, вечно горевший и успевший сжечь себя дотла за 33 года жизни. Он будил высшее московское общество, где был желанным гостем, без умолку толкуя в знатных и образованных домах о необходимости составить общество для распространения истинного просвещения в России, будил и университетскую молодежь своими одушевленными мистическими *лекциями о гармонии наук и изучении таинств природы, о связи духа и материи, о союзе между Богом и человеком, о стремлении к познанию Божества и внутреннего человека*.

Эти люди имеют несомненное право на место в истории успехов русского образования; им принадлежит самостоятельная инициатива, которую можно считать первым обширным примером общественной самодеятельности со

времен реформы: служение нравственным интересам общества, не вызванное никакими официальными указаниями, а внушенное глубоким внутренним убеждением об обязанности служить обществу. В их масонстве эти убеждения получили свое практическое выполнение. Новикова и его друзей можно назвать филантропами в лучшем смысле этого слова.

Еще одно течение в русском масонстве - натурфилософское – связано преимущественно с именем *Ивана Шварца*. Наиболее глубокий из русских масонов, пользующийся в московской среде необыкновенным авторитетом, он был горячим энтузиастом оккультизма и своим увлечением заражал окружающих. Оккультизм с его предчувствием единства природы в то время примыкал к научному естествознанию и оформлял философский интерес к изучению природы. Согласно древне-христианскому еще учению, и оккультизм учил, что нынешний лик природы являет нам поврежденность её: из-за грехопадения человека и природа “облеклась грубою одеждою стихии”. На Западе оккультизм предшествовал более строгим философским движениям, которые уже в XIX веке нашли для себя новое, более серьезное выражение в “философии природы” *Шеллинга*.

В этой защите культуры и просвещения звучит у масонов гностический мотив: *необходимо успевать в истинном просвещении, чтобы возрасти морально*. Этот путь восхождения по ступеням духовной жизни через углубление мистического ведения по существу бесконечен. *“Конечному существу возможно дойти до такого совершенства, что осуществится подробное понятие о целом мире”* (писал Шварц в передовой статье одного из номеров журнала Новикова “Утренний свет”, полемизируя с учениями Руссо).

Возникает парадокс – такая необходимая общественно-просветительская деятельность и в то же время организация тайная. **Почему русское историческое масонство было тайной организацией?**

Масонство представляло собой орден, прежде всего, светский и тайный, с очень строгой дисциплиной, не только внешней, но и внутренней. Именно эта внутренняя дисциплина, или аскеза, и оказалась всего важнее в общей тенденции масонского движения – тесании “дикого камня” сердца человеческого, как говорили тогда, хотя его общественными идеалами была широкая терпимость и обязательность работы соборной.

Масоны учат, что лишь посвященные, приобщившиеся к мудрости веков, продолжающие работу таких же посвященных, могут в полной мере развить в себе высокие нравственные качества. Такие люди способны “строить храм” будущего человечества, руководствуясь не только опытом, но и мистическим вдохновением, которое усваивается и развивается в человеке изучением символов, практикой братских отношений, хранения *тайны*. Самая “тайна” есть то внутреннее ощущение “посвященного”, которое не может быть сообщено “профану”, стороннему человеку уже потому, что он все равно его понять не может, пока сам не пройдет путь познания и посвящения в малые степени.

Сама же масонская организация никакой тайны не представляет, о ней можно прочитать или узнать точно из исторических книг и статей. Но ради сосредоточенности своей работы и нежелания допускать к ней людей чужих и неподготовленных у масонов не принято открывать своих имен, условных знаков и слов, по которым они распознают друг друга.

Стоит еще прибавить, что по духу масонству *чуждо занятие вопросами политики*; если случаются в этом отношении уклоны, то они свидетельствуют только о понижении уровня масонства в данную эпоху или в данной стране, что свойственно всякой человеческой организации, но что в среде убежденных вольных каменщиков встречает немедленное противодействие.

Исторически складывавшаяся структура русского масонства

Итак, к концу 70-х годов XVIII века масонское движение охватывает почти что весь тогдашний культурный слой. Первые русские ложи середины века были, в сущности, кружками деистов, исповедовавших разумную мораль и естественную религию, стремившихся к моральному самопознанию. Таковы были ложи первого Елагина союза. Мистическая струя пробивается несколько позже – в системе Рейхеля, или “системе слабого наблюдения”. Далее особенно широко распространился мартинизм, и, наконец, высшими ступенями масонских посвящений стало розенкрейцерство.

Так как масонство являло собой организацию тайную, протоколов заседаний и списков членов Лож оно оставило немного. Материалы для исследования можно найти во-первых, в сыскных и полицейских бумагах; затем обширные картины представляли следствию как сам арестованный Н. И. Новиков, так и, в дальнейшем, декабристы. Причиной таких откровений было наивное мнение заключенных о справедливости тех посвященных, кто решал участь их.

Одним из ранних официальных документов является донесение о масонах, представленное по приказанию Императрицы Михаилом Олсуфьевым графу А.И. Шувалову. В этом петербургском “реестре гранметрам и масонам” названы 35 имен, среди которых главным “гранметром” Олсуфьев ставит *Романа Илларионовича Воронцова* (отца княгини Дашковой), “бригадира *Александра Сумарокова*”, известного писателя, офицеров кадетского корпуса фельдфебеля *Мелиссино* (ставшего артиллерийским генералом и основателем масонской системы Мелиссино), сержанта *Свистунова* (того генерала, которого впоследствии упоминает Новиков в своем словаре русских писателей, называя его человеком “разумным, ученым и искусным”), *Перфильева*, (того, чье имя осталось в сочинениях Державина), служащих в Преображенском и Семеновском полках, в конной гвардии князя *Михайло Дашкова*, *Федора Мамонова* (позже тоже известного в литературных кругах), князя *Михаила Щербатова* (деда П. Я. Чаадаева), *Ивана Болтина* – оба в дальнейшем стали историками, троих князей *Голицыных*, князя *Сергея Трубецкого*, князя *Сергея Мещерского*, *Петра Бутурлина*. Одним словом, масонство появляется в кружке, в котором русская

литература и просвещение, только что вступившие в общественную жизнь, находили своих первых служителей.

В эти годы в масонство вступает *Иван Перфильевич Елагин* (1725-1796 гг.). В системе, названной позднее его именем, главное внимание было обращено на мистическую, символическую и обрядовую стороны; эта система совершенно устраняла не только всякие политические вопросы, но даже и общественную деятельность. Весь круг их деятельности ограничивался попытками *личного* нравственного развития. Но эта группа масонства была немногочисленна; главную роль в русском масонстве сыграли московские *мартинисты*. Они также совершенно исключили политические вопросы, но в то же время обращали большого внимания на внешнюю, обрядовую сторону масонства. Доминирующим становится мистицизм, как попытка выйти на более высокие рубежи познания, “познания непознаваемого”. На этом пути было множество интереснейших открытий гностического и литературного толка, и поэтому на данном этапе просвещения мистицизм сыграл положительную роль. Мистицизм явился прямым родоначальником таких дальнейших направлений развития русской общественной мысли, как сентиментализм, романтизм, славянофильство, да и западничество.

Чтобы ближе ознакомиться с характером источников, откуда черпался мистицизм нашего масонства, следует остановиться на двух школах, которые имели у нас особый успех и влияние. Одна школа была французская, это – мартинизм. Другая, немецкая – розенкрейцерство.

Слово *мартинизм*, которым обозначали учение французского мистика Сен-Мартена, очень долго служило названием для всего нашего масонства. Его учителями в масонстве и мистике были Мартинес Пасквалис и аббат Фурнье, которые, по их описаниям, ревностно занимаясь практическими теургическими операциями, достигали чудесных видений, “духовидения”.

Мартинистами в особенности называли членов и последователей новиковского кружка. Мистические идеи шли к нам вообще широкой струей, разными путями: через прямое посредство лож, через личные сношения и путем литературы.

В литературе наиболее влиятельным был, конечно, Бёме, а также граф Сен-Мартен, Ангел Силезий, Арндт, Пордеч, Вейгель, Фенелон, Юнг, Лессинг и другие. *С. И. Гамалея* перевел всего Бёме (перевод не был издан). В ложах читали много, и предписывался строгий порядок или последовательность чтения, под присмотром и ведением мастеров.

Основная религиозно-философская тема переводческой масонской литературы – учение о сокровенной жизни в человеке, о сокровенном смысле жизни вообще, ее доступность не сразу, а по ступеням посвящения. Основной принцип – антропоцентризм всего сущего. *“Без человека вся природа мертва, – читаем здесь, – весь порядок не что другое, как хаос. Виноградная лоза не услаждает самой себя, цветы не чувствуют собственной красоты, без нее алмаз лежит в кремне без всякой цены. В нас все соединяется, нами открывается во всем пре-*

мудрость, стройность и первая точная красота... “Человек есть экстракт из всех существ”, – читаем у масонов.

В биографии Сен-Мартена можно найти несколько русских имен в числе его друзей. Особенный друг и почитатель его был князь Алексей Голицын; далее упоминаются Воронцов, Кошелев, Зиновьев, Скавронский, граф Разумовский. С фельдмаршалом Репниным Сен-Мартен был в переписке. Особенное его почитание несомненно связано с появлением его книги “О заблуждениях и истине”. Вот заглавие русского перевода, по которому можно составить некоторое понятие о разнообразии ее содержания:

“О заблуждениях и истине, или воззвание человеческого рода ко всеобщему началу знания. Сочинение, в котором открывается Примечателям сомнительность изысканий их и непрестанные их погрешности, и вместе указывается путь, по которому должно бы им шествовать к приобретению физической очевидности о происхождении Добра и Зла, о Человеке, о Натуре вещественной, о Натуре невещественной и о Натуре Священной, об основании политических правлений, о власти государей, о правосудии гражданском и уголовном, о науках, языках и художествах. Философа неизвестного. Переведено с французского. Изданием типографической компании. В Москве. В вольной типографии И. Лопухина, с указного дозволения, 1785 года”.

Книга Сен-Мартена нашла великого поклонника в тогдашнем Великом Мастере русских лож, Елагине, который принял за её истолкование для “братьев”. Но в особенности название “мартинистов” присоединялось к масонам новиковского круга. Книга Сен-Мартена “О заблуждениях и истине”, вышедшая в 1775 году, была напечатана в русском переводе Лопухина уже в 1785 году. Название “мартинистов” так и осталось специально за ними, хотя в 80-х годах их, собственно говоря, уже нельзя было называть мартинистами: их мнения о Сен-Мартене изменились. В это время московские масоны полагали себя уже гораздо дальше мистики Сен-Мартена, потому что вступили в настоящий “внутренний орден”, т.е. в розенкрейцерство, где, по их убеждению, и заключались высшие теоретические и практические таинства ордена, наследованные от Адама и патриархов.

Розенкрейцерство была последняя форма масонского мистицизма, на которой остановился московский кружок. Так долго занимавшее московских масонов искание “истинного масонства” завершилось. Появление этого названия исследователи относят к 1614 году, но эта дата только имени, потому что собственно **розенкрейцерство явилось** тогда только **как проект устройства человеческого общества**. Автором этого проекта был *Валентин Андреэ*. Среди религиозных и политических смут начала XVII века он, как рассказывается в преданиях, возымел мысль об обществе, которое составилось бы для всеобщего преобразования и улучшения государственных и церковных отношений и воспитания; критикуя распространенный в то время в Германии гностический мистицизм, сам он хотел основываться на чистом учении Писания. Этот план он изложил в нескольких книгах (по крайней мере, в трех), и в одной из них рассказана следу-

ющая история. *Христиан Розенкрейц*, к имени которого привязана вся история этого общества (Розенкрейц, т.е. истинный христианин с его радостями и страданиями в жизни, изображаемыми Розой и Крестом), родившийся будто бы в 1388 году, был молодой дворянин, который, оставивши свой монастырь, отправился в святую землю и затем в Дамаске, Египте и Феце узнал таинства физики, математики и магии. Возвратившись в Германию, он построил себе прекрасный дом (*domus Scti Spiritus*), и для основания братства Розы и Креста выбрал себе нескольких друзей из прежнего монастыря, с которыми он и хотел начать *труд своей мировой реформы*. Его друзья, получив должные наставления, отправились трудиться для той же цели на деле. Члены общества должны были собираться раз в год в доме общества для отчета о своей деятельности; каждый должен был при жизни выбрать и подготовить себе приемника; в течение ста лет общество должно было сохраниться в тайне. В награду за участие в деле всемирного преобразования обещалось обладание высшими знаниями и, при нравственно чистой жизни, безболезненность; смерть и погребение у них должны были быть скрываемы. Общество существовало 120 лет под управлением Христиана и его приемников, и после того в доме общества была найдена могила Розенкрейца с различными мистическими фигурами и предметами и книгами, заключавшими в себе таинства ордена.

Андрез приглашал ученых исследовать правила братства, а государей и подданных, богатых и бедных призывал вступить в него. В церковном отношении для этого нужно было признание евангельского Христа и признание двух таинств, в политическом – признание немецкой Римской империи; делание золота, считавшееся высшей задачей тайной философии, здесь отклонялось на том основании, что братство, хоть и могло делать золото, но могло сделать много других вещей, гораздо более лучших. Исследователи склоняются к мнению, что это был просто роман, в котором Андрез хотел изложить свои задушевные стремления. Валентин Андрез был уважаемый писатель своего времени, духовный поэт и сатирик. Существенным предметом его стремлений было *практическое христианство и нравственное улучшение общества*, которое воплотилось в его братстве Розы и Креста. Его книги о розенкрейцерстве имели удивительную судьбу: читатели, возбужденные религиозными вопросами и приученные к теософской таинственности, царившей в тогдашнем обществе, приняли фантазии Андреза за действительно существующий орден. Одни восставали против него, другие увлеклись характером нового братства и желали бы быть его членами, например, алхимики Майер, Шпербер, английский мистик Флойд и др. Андрез издал потом несколько сочинений, в которых старался разъяснить дело, но впечатление было уже произведено. Разные значительные люди вступили в сношения с Андрез, чтобы действительно основать орден, чему, однако помешали тревоги 30-летней войны. Тем не менее, мистики и алхимики овладели планом Андреза, и с 1662 года появляется действительное розенкрейцерское общество с разветвлениями в Германии, Голландии, даже Италии. Члены его именовались *истинными розенкрейцерами*, называли основателем своего ордена

Христиана Розенкрейца, в своих собраниях надевали голубую орденскую ленту с золотым крестом и розой.

Этому розенкрейцерству XVII века принадлежит целая обширная литература, немецкая, английская и французская, литература теософии, алхимии и магии. В ней полагалось несомненным существование таинственного братства; указывались места, лица, видения удивительных незнакомцев, которым оказывалось по несколько сотен лет, которые владели богатствами, неизвестно откуда происшедшими, владели сверхъестественными знаниями и потом исчезали так же таинственно, как появлялись. Эти книги воспринимались новейшими продолжателями, как предания их ордена. *Некоторые историки масонства, следя за историей этих розенкрейцеров XVII века, думали даже, что розенкрейцерские общества послужили началом самого масонства.*

Новое видоизмененное розенкрейцерство появилось в Германии в 1756-58 гг.; его ревностными деятелями были сначала Шрепфер, занимавшийся публичным вызыванием духов и, после нескольких неудач, покончивший жизнь самоубийством, затем Кристоф Вёльнер, впоследствии прусский министр, имевший сильное влияние на герцога Фердинанда Брауншвейгского. Под его влиянием розенкрейцерство утвердилось в берлинской ложе “Трёх глобусов”, где сначала алхимические и теософские таинства ограничивались только теорией, посвящением в “теоретические братья” или “теоретический градус”. Затем была основана целая иерархия из 7 ступеней посвящения (практик, философ, минор, майор, адепт, магистр и маг).

В 1776-77 годах (как раз, когда шли поиски высших степеней в Швеции) Новиков виделся с князем П. И. Репниным, из рассказа которого узнал, что «он, в разных странах бывши, искал “истинного масонства”, и что не жалея денег старался он доставать всевозможные градусы, но всегда находил ложные; но, наконец, познакомился с одним человеком, а где не сказал, который дал ему понятие такое, что истинное масонство скрывается у истинных Розенкрейцеров, что их весьма трудно найти, а вступление в их общество ещё труднее; что учение их просто и клонится к познанию бога, природы и себя; что много ложных обществ, называющихся сем именем; и многое говоря заключил, что щаслив тот, кто найдет истинных».

Во время своей заграничной поездки 1781-82 гг. Шварц завязал отношения не только с герцогом Брауншвейгским, но и с берлинскими розенкрейцерами Вёльнером и Теденом. Вернувшись в Россию, он привез акты от тех и других; “благотворных рыцарей” – от герцога, “теоретического градуса” – от Тедена. Долго искавшие “истинного масонства” новиковцы были увлечены наличием все новых и новых ступеней посвящения, в отличие от рейхелевской (шведской) системы с 4-мя ступенями. Посредником в переписке московских розенкрейцеров с орденскими властями был А. М. Кутузов.

В апреле 1784 года Татищев, Новиков и Трубецкой, получив письмо Тедена с предложением организовать для управления Градусом Директорию, “сбравшись вместе и взяв друг друга за руки, поклялись в верности к ордену и, по

приношении с коленопреклонением молитвы Троициному Богу, учредили Директорию для теоретической степени”.

В ведении Провинциальной ложи находились до 1786 года, т.е. до времени начала систематических гонений со стороны правительства,

7 лож в Москве – Светоносного Треугольника (мастер стула – А. М. Кутузов),
 Девкалиона (С. И. Гамалея),
 Св. Моисея (Ф. П. Ключарев),
 Блистающей Звезды (И. В. Лопухин),
 Гермеса – университетская ложа (Н. Н. Трубецкой),
 Астреи (Н. И. Новиков),

Ложа Восходящего Светила в Казани (И. И. Панаев), Геркулеса в Колыбели в Могилеве (И. Шварц, А. И. Веревкин), Золотого Венца в Симбирске (И. П. Тургенев).

Неизвестно, до какой степени возвысились московские члены ордена. Далее всех шагнули, вероятно, немцы – устроители ордена в Москве, Шварц и Шредер. Из русских братьев Кутузов только в Берлине дошел до степени "практика". Тургенев, по его собственному показанию, был принят в степень философа. Можно думать, что более высоких степеней достигли Новиков и Трубецкой. Розенкрейцеров высших степеней было всего в России немногим более двадцати человек. Кроме уже упомянутых, это были Гамалея, Чулков, А. Новиков, брат Н. Новикова. Принимали участие в работе ордена в дальнейшем Трубецкие, Черкасский, Херасков, Енгальчев, Френкель, Поздеев, Чеботарев, Багрянский, Тусен; были взяты “петиты”, т.е. прошения о принятии в орден от шести лиц: А. Лодыженского, П. Лопухина, А. Веревкина, В. Колокольникова, М. Невзорова и В. Баженова.

Деятельность наших московских розенкрейцеров была направлена на две цели в глубокой взаимосвязи: первая была общественно-просветительская, вторая касалась личной морали. И, как вы знаете, их деятельность была официально прекращена в 1792 году, когда Екатерина 11 приказала распустить Типографическую компанию, Дружеское ученое общества, когда были разгромлены типографии, сожжены 18,5 тысяч книг новиковских изданий, а сам Новиков арестован и заключен в Шлиссельбургскую крепость.

Николай Иванович Новиков (1744 - 1818)

Этот исключительно одаренный человек родился с подмосковном селе Тихвинское-Авдотьино в семье небогатого дворянина. Предки его по традиции были на военной службе; отсюда – традиционное ударение на последнем слоге в его фамилии (“новиками” называли новобранцев).

Из-за его пылкого и независимого нрава он был исключен с гимназического курса при Московском Университете. Служил в лейб-гвардии Измайловском полку, где считался “главным грамотеем” и где протоколировал документы Комиссии для сочинения проекта нового Уложения (в 1766 году Екатерина

хотела принять вместе с собранными народом депутатами “Новое Уложение”, но которое свет не увидело). Вел молодой гвардеец и журнал Общего собрания депутатов, зачитывая записи при докладах Императрице, которая с тех пор и запомнила его. Почти 2-х летняя работа в Комиссии, безусловно, обогатила Новикова ценными сведениями о состоянии русского общества, о положении всех сословий и нуждах Отечества. Эти знания были не менее значительны, чем университетские. И страстное желание послужить благу общественному стало выше всех других его желаний.

Новиков вышел в отставку, чтобы полностью посвятить себя делу распространения и защиты образованности и просвещения, “врачевания пороков” и отстаивания правды. Истина, зародившаяся в одной голове, так веровал он, посредством книги родит столько же подобных правомыслящих голов, сколько у этой книги читателей. Поэтому книгопечатание считал он наивеличайшим изобретением человеческого разума.

Имя его стало известно с 70-х годов 18 века по изданию им одного за другим двух еженедельников – “Трутня” и “Живописца”. В 1772 году он издал “Опыт исторического словаря о русских писателях”, а затем 20 томов старинных рукописей разного рода под общим названием “Древней российской Вивлиофики”. Одно это издание могло бы дать ему почетное место в истории нашей словесности.

Издательская деятельность Новикова неизбежно должна была быть тесно связана с привлечением авторов и переводчиков. Новикову необходимо было иметь общение с людьми, которые помогали бы ему в работе. То, что масонство не было явлением исключительным, делало сближение Новикова с литературными кругами неизбежным и с тесной связью с масонами. Он вошел в их круг еще в 1775 году в Петербурге по рекомендации А. М. Кутузова (Ложа Астреи).

В чем конкретно на Руси выразилась **просветительская деятельность московских розенкрейцеров**. Близость с Михаилом Матвеевичем Херасковым, а позднее с князем Трубецким, дала возможность Новикову подойти к тому кружку, который группировался вокруг куратора Московского Университета Хераскова. По его приглашению Новиков перебрался из Петербурга в Москву и 1 мая 1779 года заключил с ним контракт на аренду университетской типографии и книжной лавки на 10 лет.

Таким образом, Новиков получил возможность, во-первых, составить достаточно обильный и легко доступный запас полезного и занимательного чтения для обширного круга читателей, и, во-вторых, войти в общение с Университетом, чтобы воспользоваться его силами и средствами для подготовки современно образованных учителей. Расстроенную университетскую типографию он вскоре привел в образцовый порядок и менее чем за 3 года напечатал в ней больше книг, чем сколько вышло из нее за 24 года ее существования. Типография Новикова, располагавшаяся на 2-ом этаже Воскресенских ворот на Красной площади, и книжная лавка по спросу ее товара стала соперничать с модными магазинами Кузнецкого моста.

В продолжение 10 лет аренды Новиковым типографии при московском Университете (*Ключевский* назвал десятилетие 1779-1789 "новиковским") вся его деятельность вносила в русское общество новые знания, новые вкусы, настраивая умы в одном направлении, из разнохарактерных читателей складывала однородную читающую публику. Благодаря широкой организации сбыта и ведению дела новиковская книга с вензелями "NN" стала проникать в самые отдаленные захолустья и скоро не только Европейская Россия, но и Сибирь стала читать.

Указ 1783 года о разрешении вольных типографий дал Обществу "Дружеское общество" возможность завести 2 собственные типографии на имя своих членов - Новикова и Лопухина. В 1784 году из дружеского кружка образовалось издательское товарищество под фирмой *Типографской компании*, просуществовавшей до 1791 года.

Настоятельной потребностью русского просвещения в то время стало *приготовление учителей*. Московский кружок единомышленников, куда влился Новиков, помог усилить и расширить его просветительскую деятельность, начатую еще в Петербурге. Главным по воспитательной части стал *Иван Шварц*, профессор московского Университета с 1779 года, масон, пользующийся в московской среде необыкновенным авторитетом. На свои средства Шварц в конце года открыл при Университете учительскую семинарию, в которой стал инспектором и начал преподавать педагогику. Так началась деятельность "*Дружеского ученого общества*", которое при торжественном открытии своем в 1782 году объявило одной из своих задач печатание и даровую раздачу книг по школам. Через 3 года в этой семинарии было уже до 30 стипендиатов духовно-учебных заведений, в их числе находились два будущие с.-петербургские митрополита: Михаил и Серафим.

Задумав переводить и издавать лучшие иностранные сочинения и желая подготовить хороших переводчиков, в которых чувствовался крайний недостаток, "Дружеское общество" по мысли Шварца в 1782 г. учредило при Университете другую семинарию, *переводческую или филологическую*, в которую приняло 16 студентов. Лучших своих питомцев "Дружеское общество" посылало для довершения образования за границу. Известно, что оно дало Московскому университету одного ректора и пять профессоров.

Другим обществом было устроенное Шварцем из студентов *Собрание университетских питомцев*. Неугомонный педагог сверх лекций в университетской аудитории об эстетической критике читал еще у себя на дому приватный курс о видах познания и особый курс "Философской истории". К семинаристам присоединялись и посторонние слушатели.

Так кружок Новикова стал посредником, через которого завязалось тесное нравственное общение между московским обществом и Московским университетом.

Дальнейшие вехи развития просвещения в России

В русском масонстве формировались все основные черты будущей “передовой” интеллигенции – и на первом месте здесь стояло первенство морали и сознание долга служить обществу. Наука, вопросы мировоззрения и “внутренняя” религиозная жизнь – всё это соединилось вместе, создавало свой особый стиль жизни и мысли.

В этой аскезе воспитывался новый тип человека, новый тип литератора. С этим типом мы встречаемся в следующую эпоху, в “романтическом” поколении – сейчас уже бесспорно, что у романтизма вообще были “оккультные истоки”. Для этой эпохи сентиментализма характерна **“философия веры и чувства”**. Сентиментализм с масонством связан органически; он стал не только литературным направлением. Это было сперва именно мистическое движение, и его истоки следует искать в испанской, голландской и французской мистике XVI и XVII веков. Это был путь воспитания души в мечтательности и чувствительности, в некой постоянной “святой меланхолии” (вспомните душевный путь молодого *Карамзина*, позже – развитие *Жуковского*). Так формировалось новое душевное поколение. После “эпохи” *Николая Ивановича Новикова* пришла “эпоха” *Николая Михайловича Карамзина* и *Александра Николаевича Радищева*, далее – “эпоха” *Василия Андреевича Жуковского*, “эпоха” *Петра Яковлевича Чаадаева* и *Александра Сергеевича Пушкина*, *декабристов* (нелишне напомнить, что в масонских ложах состоял 121 декабрист, т. е. более 90%, в том числе все руководители заговора), “эпоха” *Александра Ивановича Герцена* и *Михаила Александровича Бакунина*, эпоха *народников* и *революционеров*.

Эти эпохи стали временем сентиментального и романтического воспитания русского общества – пробуждением сердца. В масонстве конца XVIII века впервые будущий русский интеллигент начинает томиться раздвоенностью своего бытия и тянуться к целостности. Эта искание, тоска и тяга повторяются позже в поколении тридцатых – сороковых годов XVIII века, в частности, у славянофилов. Психологически славянофильство вырастает именно из екатерининского масонства.

И в заключении хотелось бы привести еще один любопытный отзыв о масонстве. Анна Петровна Керн (в девичестве – Полторацкая) с детства познакомилась с богатой эзотерической литературой в семье своей тети Прасковьи Александровны Осиповой-Вульф, дочери известного масона конца XVIII века Вындомского. Приводя в своем дневнике (ей было двадцать лет) мысли Лессинга о том, что это содружество (масонство) имеет целью объединить людей вопреки тем преградам, которые установлены обществом, Анна Керн явно симпатизирует идее, что по своей природе тайные содружества влекут умы к независимости, весьма способствуют и развитию просвещения (ибо все то, что люди делают по собственной воле и без принуждения, сообщает их суждениям большую силу и широту) и далее пишет сама: “Я всегда считала эту секту очень полезной; по крайней мере, человек в ней близок к природе, поскольку люди

видят друг в друге братьев; и (между нами говоря) я думаю, что когда бы все мы были масонами, то были бы гораздо счастливее”.

Хронологическая история некоторых масонских лож конца XVIII века (по А. Пыпину и Ешевскому)

Масонские предания относят введение масонства в России ко временам Петра I и именно приписывают его самому Петру. Он, по преданию, был принят в масонство самим Кристофором Вреном (Wren), знаменитым основателем нового английского масонства. Первая ложа существовала, будто бы, в России еще в конце XVII столетия; мастером стула был в ней Лефорт, первым надзирателем Гордон, а вторым – сам Петр Великий.

По другому рассказу Петр вывез из своего путешествия (второго) в 1717 году масонский статус и сам открыл ложу в Кронштадте. Имя Петра пользовалось у наших масонов особым уважением, они пели в его честь его стихи, а также “Песнь” Державина, – это сочувствие к проводимой Петром реформе и могло послужить основой для указанной легенды.

1747 год. Дело о масонстве графа *Николая Головина*. По возвращению с прусской службы он был допрошен А. И. Шуваловым об участии в “фрамасонском ордене”. Его признание в том, что он “жил в этом ордене, и знаю, что графы *Захар да Иван Чернышевы* в оном же ордене находятся”.

1756 год. Донесение о масонах, представленное по приказанию Императрицы Михаилом Олсуфьевым графу А. И. Шувалову. В эти годы в масонство вступает *Иван Перфильевич Елагин* (1725-1796 гг.), впоследствии великий принципиальный мастер русских лож.

1762 год. Упоминание о ложе Постоянства в Петербурге, которой Петр III подарил дом. О масонстве *Петра III* говорится в записках *Болотова*.

1763 год. Упоминание о ложе Клио в Москве. *Екатерина II*, свергнув мужа с престола, потребовав сведений о цели масонских собраний, объявила себя покровительницей ордена в своем государстве и попечительницей ложи Клио в Москве.

1765 год. Введена, от Ложи Трех Львов в Висмаре, Тамплиерская система и основан капитул в Петербурге, где гроссмейстером был купец *Людер*.

1766 год. Граф *Алексей Мусин-Пушкин-Брюс* вступил в Гамбурге в ложу Строгого Наблюдения (шведская система).

1768-1769 годы. Основание в Петербурге ложи Феникса Тамплиерской системы.

1771 год. Основание в Петербурге немецкой ложи Аполлона генерал-аудитором гвардии *Рейхелем* по Циннендорфской системе или Строгого наблюдения (особенная отрасль тамплиерства – позже у нас называемая Рейхелевской).

1772 год. Первая русская Великая ложа. Назначение *Елагина* от В. Ложи в Англии провинциальным гроссмейстером в русской империи, провинциальный великий секретарь – *Василий Майков*, известный в то время поэт.

Ложа Муз в Петербурге – собственная ложа Елагина, и собрания её, как и собрания Вел. Провинциальной Ложи Английской системы, происходили в его доме на Елагином острове.

1773 год. Основание ложи Гарпократа, где мастером стула был *Иван Арт. Артемьев* (сенатский обер-секретарь), надзирателем - *А. Н. Трубецкой*.

1775 год. Ложа Астреи в Петербурге, основана от Урании, полномочия даны майору *Я. Ф. Дубянскому*, именно в нее в начале своих масонских исканий вступил *Н.И.Новиков*.

Ложа Латоны в Петербурге. Главную роль здесь играл Новиков. Впоследствии (в 1779 году) была перенесена в Москву. В 1780-х годах это была ложа-мать, где префектами бывали кн. *Ник. Никитич Трубецкой, Новиков, Лопушин, Ешевский*.

Ложа Горуса в Петербурге, где мастером стула был статский советник *Андрей Анд. Нартов*.

Ложа Немезиды – основал Ложу гвардейский капитан *Иван Чаадаев* (дед П. Я. Чаадаева), мастер стула *А. В. Храповицкий*.

1776 год. Соединение Елагинских и Рейхелевских лож и признание главенства Циннендорфской Ложи Минервы.

Ложа Восходящего Солнца в Казани, мастер стула – *И. И. Панаев*.

Ложа Геркулес в Колыбели в Могилеве – основана *Шварцем* с разрешения Елагина, позже мастером стула был *А. И. Веревкин*.

1777 год. Подчинение Шведской системе многих лож.

Упоминается Ложа Св. Александра в Петербурге, бывшая ложа под управлением князя *Куракина*.

Ложа Дружбы в Москве под председательством профессора *Маттеи*.

1779 год. Переезд Новикова в Москву. Закрытие его Ложи в Петербурге и основание ее в Москве.

Ложа Аписа в Москве основана Елагиным, мастер стула - князь *Юрий Вл. Долгорукий*, в следующем году его занимал *Гаврила Петр. Гагарин*. Здесь вступил в масонство доктор *Багрянский*.

Ложа Трех Мечей в Москве под управлением профессора *Маттеи* (переименованная Ложа Дружбы).

Мать-ложа Трех Знамен в Москве; диплом *П. А. Татищеву* на звание мастера этой Ложи подписан герцогом Брауншвейгским (ложа существовала еще в 1785 году). Под начальством П. А. Татищева работали три ложи, из которых в одной мастером стула был сын Татищева; в другой, работающей на немецком языке, купец *Тусен*.

Ложа в Ярославле, основана наместником *А.П. Мельгуновым*.

1779-1780 годы. Приезд *Калиостро* в Петербург и Москву.

1780 год. Основание Капитула Феникса в Петербурге – верховного административного органа Шведской системы.

Эклектическая Ложа Гармония в Москве, где соединились “братья” разных лож для лучшего устройства русского масонства. *Шварц* был отправлен для представления ее статута герцогу Брауншвейгскому, который их одобрил.

1781 год. Отъезд за границу вел. князя *Павла Петровича*, в сопровождении князя *А. Б. Куракина и Плещеева*. Предание, что в этом путешествии Павел был посвящен в масоны.

1781-1782 годы. Путешествие Шварца на Вильгельмсбадский конвент и связи с берлинскими розенкрейцерами; на конвенте Россия признана как VIII, самостоятельная, провинция ордена. Новиков в показаниях насчитывает в Москве и в провинциальных городах до девятнадцати лож.

1782 год. Публичное открытие “Дружеского Общества”.

Основана Ложа Девкалиона в Москве, где мастером стула был *С. И. Гамалея*.

1783 год. В Москве учреждена “Директория VIII провинции, именуемой России”: президент Директории Николай Новиков, великий секретарь Иван Шварц, старший обер-маршал Петр Татищев. Патент вместе с другими бумагами этой ложи находится в Румянцевском музее.

Открытие ложи Золотого Ключа в Перми под управлением И. И. Панаева; в ложе работал *Г. М. Походяшин*. Учреждение Префектуры для петербургских масонов в завмсимости от Москвы, префект *А. А. Ржевский*.

Матьер-ложа Коронованного Знамени в Москве, где префектом был П. А. Татищев.

Основание ложи Сфинкса в Москве под начальством князя Г. П. Гагарина.

1784 год. Учреждение в Москве Директории для теоретической степени.

Ложа Блισταющей Звезды в Москве, где мастером стула был *Иван Влад. Лопухин*.

Ложа Св. Моисея в Москве, мастером стула был *Ф. П. Ключарев*.

Ложа Светоносного треугольника в Москве, мастер стула – *А. М. Кутузов*.

Учреждение Типографической Компании московскими розенкрейцерами.

Ложа Златого Венца в Симбирске, основана *И. П. Тургеневым*. В списке членов упомянут, в степени товарища, *Н. М. Карамзин*.

1784-1785 годы. Первая поездка *Баженова* от московских розенкрейцеров к вел. князю Павлу Петровичу.

Ложа Орфея в Рязани, мастером назначен *О. А. Поздеев*.

Указы Екатерины II к митрополиту Платону и графу Брюсу об испытании Новикова в законе Божьем и рассмотрении изданных им книг.

Масонский конвент в Париже, созванный “братьями” Филалетами. В списке приглашенных были граф *Гагарин* из Москвы, *Калиостро*, *Месмер* в Париже, граф *Строганов*, русский посланник в Париже, означенный как член Совета Филалетов, устроивших конвент; *Тиманн* – русский майор в Петербурге из окружения графа *Никиты Иван. Репнина*.

1786 год. Указ московскому губернатору П. В. Лопухину об осмотре масонских больниц и школ и потом донесения Лопухина об этих предметах.

Ложа Конкордии в Петербурге. Наместным мастером был в ней *Федор Андр. Рылеев (отец Кондратия)*.

Некоторые собрания стали превращаться в политические клубы, что и навлекло потом гонение на русское масонство.

1787 год. Вторая поездка Баженова к вел. князю Павлу Петровичу.

Розенкрейцерский “силанум”, или приостановка масонских работ.

Поездка *А. М. Кутузова* в Берлин для изучения розенкрейцерской алхимии.

Связи русских с Сен-Мартеном.

Масонский конвент в Париже, с участием русских масонов. Одна немецкая газета исчисляет русские ложи в 145 (во Франции она считает 703, в Великобритании – 1036, в Германии – 319, в Пруссии – 304. в Польше – 75).

Отправление *Невзорова и Колокольникова* за границу учиться химии для орденских работ, на счет московских розенкрейцеров.

Вступление *С. И. Плещеева* в Авиньонское братство Нового Израиля.

1790 год. Приказ Екатерины генералу П. И. Мелиссино закрыть его ложу в Петербурге.

1791 год. Приезд гр. Безбородко и Архарова в Москву для разведывания о масонах.

Уничтожение “Типографической компании”.

1791-1792 гг. Последняя поездка Баженова к вел. князю Павлу Петровичу.

Ложа “Теоретического градуса” в Вологде, зависящая от московского розенкрейцерства (*В. И. Остолопов*).

Розенкрейцерская ложа в Петербурге (*О. А. Поздеев*).

1792 год. Обыск и арест *Невзорова и Колокольникова*, возвращавшихся из-за границы; заключение их в крепость.

Обыск в типографии Новикова; обыск и арест самого Новикова. Заключение его в Шлиссельбург.

Указ Екатерины о заключении его на 15 лет в крепость и о допросе его товарищей.

1793 год. Указ Екатерины об истреблении запрещенных и вредных Новиковских изданий. Сожжено было 18,6 тыс. книг.

1796 г. 7 ноября (на следующий день после смерти Екатерины). Рескрипт Павла 1 к гр. Самойлову об освобождении Новикова.

Приложения

В приложении даны три подлинных документа из архивов Российской государственной библиотеки им. Ленина:

“Общие учреждения свободных каменщиков” – документ, общепринятый для русских Лож практически всех систем XVIII-XIX веков; списан из документов Ложы Трех Знамен, мастер – Петр Алексеевич Татищев;

“Устав или правило вольных каменщиков” – зачитывался в начале каждого заседания Ложы;

“Правила для свободных и принятых к(аменщиков)” - зачитывался по окончании каждого заседания Ложи; приписывается к окружению О. А. Поздеева.

Используемая литература

Лотман Ю. “Клио на распутье” из сборника “Карамзин” Санкт-Петербург, “Искусство-СПБ”, 1997 год

Пыпин А. “Масонство в России”, Москва, “Век”, 1997 год

Сборник “Масонство и русская культура”, В. И. Новиков, Москва 1998 год:

- Флоровский Г. “Пути русского богословия”;
- Ключевский В. “Воспоминания о Новикове и его времени”;
- Зеньковский В. “История русской философии”.

Сушкова И. В., 2001г.